
HISTORY

Copyright © 2018 by the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for
Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 40, Is. 6, pp. 2–14, 2018
DOI 10.22162/2619-0990-2018-40-6-2-14
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 930(517+470)

Положение повстанцев Внутренней Монголии после смерти их лидера Бавужава в 1916 г.

Сергей Львович Кузьмин¹

¹ доктор исторических наук, кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН (107031, Россия, г. Москва, ул. Рождественка, 12). ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9544-1359>. E-mail: ipe51@yahoo.com

Аннотация

Введение. Национально-освободительная борьба монголов в начале XX в. в целом изучена довольно подробно. Вместе с тем действия крупного монгольского отряда повстанцев под руководством Бавужава («харачинское движение», «харачинский вопрос») изучены недостаточно и касаются, прежде всего, периода жизни этого лидера.

Цель — анализ деятельности участников повстанческого движения в период от смерти Бавужава до захвата ими столицы Барги — г. Хайлар.

Материалы. Для этого проведено изучение документальных источников (прежде всего, по материалам Архива внешней политики Российской империи, Российского государственного военно-исторического архива) в сравнении с ранее опубликованными сведениями.

Результаты. Реконструированы положение и подготовка повстанческого отряда к последующим действиям в 1917 г. Обсуждаются причины и следствия масштабных грабежей в Барге и Халхе, сопровождавших повстанческое движение монголов в тот период, роль японских военных в этом движении и его установка на восстановление власти свергнутой маньчжурской династии. Замыслы повстанцев о взятии Хайлара прояснились по окончании их зимовки в лагере на южном берегу реки Халх (Халха-гол, Халхин-гол) весной 1917 г.

Ключевые слова: Монголия, Барга, Хулунбуир, Китай, Маньчжурия, Япония, харачинский вопрос, Бавужав, независимость, автономия, международные отношения

Начало XX в. ознаменовалось рядом глобальных изменений, одним из которых стал крах нескольких империй: Цинской, Российской, Османской Австро-Итальянской и Германской. Первой прекратила существование империя Цин (1912 г.). Причиной этого было национальное движение китайцев (ханьцев) против маньчжурского господства, завершившееся провозглашением Китайской республики — фактически национального государства ханьцев. Оно предъявило претензии на остальные территории империи Цин, никогда не являвшиеся частями Китая: Монголию, Тибет и Восточный Туркестан.

Монголия провозгласила свою независимость в 1911 г. (еще до краха империи Цин), а затем получила новое основание для этого после провозглашения Китайской Республики. Ханьские националисты, провозгласив последнюю, выдвинули концепцию «республики пяти рас», чтобы включить указанные выше некитайские территории в свое национальное государство. Результатом стала национально-освободительная борьба монголов и тибетцев, объявивших о независимости своих государств.

Национально-освободительная борьба монголов в тот период изучена в целом довольно подробно. Важным ее этапом была посылка монгольским правительством нескольких отрядов во Внутреннюю Монголию. Россия поддержала национальное движение во Внешней Монголии, но не во Внешней, поскольку такая поддержка была бы нарушением секретных соглашений между Россией и Японией о разделе сфер влияния. 7 июня 1915 г. в Кяхте было подписано Китайско-русско-монгольское соглашение, согласно которому Внешняя Монголия признавалась автономией под суверенитетом Китая, а Внутренняя Монголия рассматривалась как территория Китая, отдельно от автономной Внешней Монголии. Руководство Внешней Монголии вынуждено было приказать своим отрядам прекратить боевые действия во Внешней Монголии, потребовать их вывода или роспуска.

Командир одного из этих отрядов — Бавужав¹ (монг. Бавуужав; в отечественной

историографии известен как Бабучжаб) не признал Кяхтинское соглашение и продолжил борьбу за независимость. Его отряд состоял в основном из монголов народности харачинов. Деятельность этого отряда, результатом которой стал так называемый «харачинский вопрос», затрагивается во многих исследованиях, но лишь несколько публикаций специально посвящены данному вопросу [Лу 1979; Белов 1995; Лонжид, Элзий 2002; Ностаева 2010; Nakami 1999; 2018; Ulantana 2008].

После гибели Бавужава в 1916 г. повстанческое движение монголов не кончилось: его отряд после зимовки на короткое время захватил Баргу (Хулунбуир) — монгольскую область к югу от Даурии, имевшую особый статус, оформленный русско-китайским соглашением от 6 ноября 1915 г. (материалы по нему имеются в: [АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3392]). Согласно этому соглашению, Барга, будучи формально подчиненной центральному правительству Китая, фактически сохраняла свою, объявленную ранее, независимость от него. Этот период представляет существенный интерес, но до сих пор почти не изучен.

Данная статья является первой из цикла публикаций, в которых сделана попытка реконструировать историю движения, известного как харачинское, на основе неопубликованных и опубликованных сведений. Детальные данные «из первых рук» на эту тему содержатся в РГВИА (прежде всего, это донесения Разведки Заамурского округа Пограничной стражи, сохранившиеся в виде рукописных и машинописных материалов, а также типографских оттисков) и АВПРИ (прежде всего, фонд «[Вице-]консульство в Хайларе», откуда вице-консул Павел Кирилович Усатый регулярно посыпал донесения о текущей обстановке, в том числе по личным наблюдениям, в основном в российскую миссию в Пекине). Важное значение имеет сохранившаяся в АВПРИ копия отчета 1-го секретаря российской миссии в Пекине Владимира Владимировича Граве о его командировке в Хайлар «в связи с наследствием на Баргу шайки харачин» в июне—августе 1917 г. [АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 397. Архив В. В. Граве по командировке в Хулунбуир в связи с харачинским движением]. К настоящему времени введена в научный оборот лишь часть этих материалов (прежде всего, в работах [Белов 1995; Ностаева 2010]).

¹ Здесь и ниже имена собственные для всех монгольских народностей даются в транскрипции, принятой в настоящее время в Монголии. Их написание по источникам дается в скобках один раз.

В данной статье рассматривается деятельность участников повстанческого движения монголов в период от смерти Бавужава до захвата ими столицы Барги — г. Хайлар. Следует отметить, что отряд, или «шайка», называвшаяся харачинами, состояла в действительности из «уроженцев» всех хошунов Внешней и Внутренней Монголии, и китайцев-хунхузов. Собственно харачин в ней ничтожное количество» [АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 328. Л. 237–237об.]. По другим данным, большинство составляли монголы из хошунов Внутренней Монголии и Внешней Монголии, было много монголов- чахаров и уроженцев хошунов (уделов) нойонов Бинту-вана и Дзасакту-вана, в особенности харачинов [РГВИА. Ф. 1558. Оп. 4. Д. 29. Л. 29–31]. Сами себя повстанцы называли монголами. Под термином «харачины» (также харчины и чахары, относящиеся к другим монгольским народностям) они объединяются в основном в не-монгольских источниках.

Бавужав погиб 8 октября 1916 г.¹ в районе Жэбэй при попытке захватить уездный город Линьси (Линь-си-сянь). По воспоминаниям его третьего сына Данжуржава (рукопись датирована 11 мая 1963 г.), обстоятельства этого следующие. В городе была бригада китайских фэнтянских войск в 500 чел. После ожесточенного боя они стали отходить к западным воротам, Бавужав попытался ворваться в город через восточные ворота. В этот момент случайная пуля попала ему в район левой брови, и он погиб на месте. Люди говорили, что стрелял кто-то из его сопровождения, но неизвестно, правда ли это. Потеряв командующего, его войско частью разошлось, частью сдалось маньчжурским властям (Чжан Хайпэну и У Цюньшэну), некоторые ушли к местным разбойникам, но часть войска сохранила боеспособность и ушла в Баргу [Лу 1979: 1–10, 17–23].

Семья покойного Бавужава — его вдова, дочь и два сына — 21 января 1917 г. прибыла в Хайлар. Они отправлялись к себе на родину в хошун монголов-тумэтов Монголджин, в связи с чем просили российское вице-консульство оказать помощь в отправке по железной дороге до Чанчуня. Они надеялись, что российская сторона сделает это в благодарность за уничтожение отрядом

¹ По другим данным — 9 октября [Underdown 1980: 115].

Бавужава немецкой диверсионной группы В. Р. фон Паппенгейма в марте 1915 г. во Внутренней Монголии. П. К. Усатый считал желательным обеспечить им бесплатный проезд по КВЖД до ст. Куаньчэнцзы с шестью сопровождающими в отдельном вагоне [АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3107. Л. 23. Телеграмма Усатого в 4-е политическое отделение и миссию в Пекине от 21 января 1917 г.]. В соответствии с этим управляющий КВЖД сделал распоряжение о предоставлении семье Бавужава вагона для бесплатного проезда до Куаньчэнцзы. Семья Бавужава выехала из Хайлара 10 февраля, направляясь в Дальний. До Чанчуня ее сопровождали два японца, состоявшие при монгольских повстанческих отрядах: Окамато и Н. Кавасима [АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 299. Л. 143. Донесение Усатого из Хайлара в 4-е политическое отделение МИД, копия в миссию в Пекине, от 12 февраля 1917 г.].

Сообщалось, что японцы собирались отправить семью Бавужава в Циндао, где воспитывался его старший сын, в свое время взятый туда японцами как заложник. Ему было тогда 18 лет. Предполагалось, что остальных сыновей Бавужава разместят по японским учебным заведениям [РГВИА. Ф. 1558. Оп. 4. Д. 29. Л. 211–213; 223–225]. Позже приемная дочь Кавасимы — Ёсиоко — станет женой второго сына Бавужава — Ганжуржава, известной разведчицей на службе квантунской армии (подробнее см.: [Вигбаут 2015]). Е. Кавасима была дочерью Шаньци — 10-го князя Су. Последний был маньчжурским князем 1-го ранга (чин-ваном), который участвовал в цинском управлении монголами, а после революции стал видным деятелем поддержанного японцами движения за восстановление Цинской династии, к которому примкнул Бавужав (см. ниже). В отряде Бавужава находился сын цин-вана Су, в то время как один из сыновей Бавужава находился у этого цин-вана. Это был своего рода обмен заложниками. Позже, когда сын цин-вана Су получил известие о смерти отца в январе 1917 г., он выезжал в Дайрен на похороны [РГВИА. Ф. 1558. Оп. 4. Д. 29. Л. 240–241]. Но, как видим, еще до того семья Бавужава отбыла под покровительство японцев.

После смерти Бавужава повстанческое движение во Внутренней Монголии затихло, но не прекратилось. Часть его отряда сдалась или разбрелась для мелких грабе-

жей, но остальные — до 1 200 человек — прибыли в хошуун Дзун-Удзумчин Силингольского сейма Внутренней Монголии и расположились в 4 монастырях: Сахин-сүмэ, Габдже-сүмэ, Бэлин-сүмэ, Нуннэн-сүмэ. «Во главе отряда теперь стоит Цаган, один из помощников Бабучжаба. Есть сведения, что другие 2 отряда в хошууне Чжасакту-вана не признали Цагана заместителем Бабучжаба, объявили себя независимыми. Отряд в Дзун-Удзумчине вооружен японскими винтовками, при нем есть 4 орудия, при них около 20 японских артиллеристов. Монголы считают, что, получив патроны, они возобновят движение на Лин-си-сян и Доллоннор. Японцы хотят объединить разъединенные отряды Бабучжаба. Есть слухи, что Бабучжаба заменит гун Сэбчжингэ, один из главных его помощников. Сэбчжингэ — человек умный, по-своему образованный, в совершенстве знает маньчжурский и монгольский языки; он в течение нескольких месяцев в конце прошлого года и в начале настоящего был в Хайларе представителем отряда Бабучжаба по закупке провианта и при переговорах с вице-консульством по вопросу об оружии и патронах» [АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3105. Л. 118–118об. Донесение Усатого в миссию в Пекине от 5 ноября 1916 г.].

Следуя заветам Бавужава, в 1915 г. уничтожившего немецких диверсантов, его временный заместитель Цаган-нойон стал принимать меры к поимке появившихся в Монголии 70 вооруженных немцев. В отряде Бавужава оставались японцы: 4 офицера, 30 нижних чинов (топографы и фотографы); было четыре 3-дюймовых пушки. Отряд увеличился и составил 5–6 тыс. чел., вооруженных винтовками разных систем и ручными бомбами. Он двинулся в сторону реки Халх-гол в районе оз. Буир-нур и хотел сделать стоянку в Старом Хайларе. Один из высших лам востока Внешней Монголии — Егузэр-хутухта прислал 300 своих солдат в подкрепление отряду. Якобы к ним присоединился даже китайский отряд в 30 тыс. человек под началом генерала Лю Чжан-гуйда в хошууне Дэрбэт [АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 328. Л. 218–219. Донесение полицейского надзирателя Н. Подопригоры помощнику начальника 1-го отделения полицейского надзора от 2 декабря 1916 г.].

По другим данным, затем бывший отряд Бавужава соединился «с другими партиями хунхузов», и численность его якобы до-

стигла 10 тыс. чел. (но все-таки не 30 тыс. и больше). Они захватили много скота в хошууне Удзумчин, хотели принудить его князей объявить себя самостоятельными [АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 328. Л. 222. Телеграмма из российского консульства в Куаньчэнцы от 12 декабря 1916 г.]. В те же дни Чжан Цзолинь (в то время генерал-губернатор Ляонина) получил телеграмму о том, что монгольская «шайка» во главе с «Аньтубу заняла территорию переднего знамени правого крыла Корциньского» (Харачинского) хошуна вместе со ставкой князя. Их было якобы до 4 000 чел., более 50 японцев. Чжан Цзолинь приказал атаковать их, даже если японцы поднимут свои флаги [АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 328. Л. 223–223об. Телеграмма консула в Мукдене в Пекин от 14 декабря 1916 г.], — что раньше вело к прекращению атак китайских войск на харачинов.

Разведка Заамурского округа Пограничной стражи по сведениям на 5 января 1917 г. сообщала:

«После смерти Бавужава оставшиеся люди его отряда отошли в княжество Малый Удзумчин (Бага Узумчин). В настоящее время численность отряда определяется монголами в 5 тыс. чел. при 6–7 японцах. Новым вождем избран монгол Цаган-ноин, который вновь начинает формировать отряд, пополняя его прибывающими монголами. Недавно пришли из Урги на помощь Бабучжабу 300 монгол под начальством Эрдэни-Цициктэ-гуна и Пушу-ламы¹.

Пребывание повстанцев в Удзумчине сопровождается различными беспорядками и кражами, почти ежедневно производимыми ими; при жизни Бабучжаба дисциплина в отряде была гораздо строже и преступлений против собственности было меньше. В начале декабря в Узумчин приезжал агент, командированный из Мукдена китайскими властями для переговоров с начальниками отряда, чтобы уговорить их перейти со всем отрядом в ряды войск Мукденской провинции, обещая им полное помилование.

В первых числах декабря часть отряда, силою до 1 800 чел., находившаяся в Солнушанском округе, двинулась четырьмя колоннами под начальством Токо-Тулу на юг. В связи с этим из Пекина был сделан мукденскому дуцзюню² запрос, сколько

¹ Это Фушэнгэ, известный также как Фушенга, Пушинга и Пушу-лама.

² Губернатор.

войск он мог бы выделить для усиления войск Цицикарской провинции.

Одновременно с этим было получено известие, что на севере уезда Чжан-у-сянь собралось до 2 тыс. монгол, ввиду чего 28-я дивизия получила предписание выслать против них смешанный отряд, снабженный большими полномочиями от китайского правительства для умиротворения. Монгольский князь Бинту-ван, прибывший в Тананьфу, сообщил китайским властям, что из переговоров с монгольскими властями он вынес полное убеждение, что монгольские князья участия в восстании не принимают и что они остаются лояльными китайскому правительству, ввиду чего восстание, по его мнению, должно быть скоро подавлено. Кроме того, князь Бинту-ван выяснил, что распространившиеся в Китае слухи об участии в монгольском движении русских добровольцев или самой России совершен но неосновательны. Мукденский дуцюнь, с целью проверить это донесение и убедиться в причинах, вызвавших движение, а также для секретных переговоров с владельцами князьями Монголии, командировал в Монголию поступивших к нему на службу монголов Цзэн-чан и Хай-бао.

С половины декабря монгольские инсургенты, находившиеся в хошуне Удзумчин, стали постепенно переходить в уезды Лин-чжи-сянь и Чи-фэн. Монгольские князья, по территории которых повстанцы переходили, заявили, что они совершенно бессильны против повстанцев, которые отнимают у населения последнее имущество в случае отказа присоединиться к движению.

Ввиду чего монгольские князья просили об ускорении организации охранных отрядов и о разрешении князьям вновь установить прежнюю монгольскую военную организацию, то есть, чтобы в каждом княжестве имелись бы в распоряжении князя конные отряды по 500 солдат. В подтверждение этого заявления мукденский дуцюнь получил от князя хошуна Дархан-vana донесение, в котором он, говоря о солидарности монгольских князей с китайским правительством, вместе с тем указывает на их бессилие против повстанцев, которые снова намереваются вторгнуться в Южную Маньчжурию. На основании этого последнего донесения мукденский дуцюнь спешно созвал военный совет, на котором решено было из 27 и 28-й дивизий немедленно вы-

слать для подкрепления войск, находящихся на границах Монголии, еще 1 пехотный, 1 артиллерийский, 2 кавалерийских ина¹ и 1 пулеметную роту. С целью задержания наступающих монгол посланы в уезд Туцюань-сянь и в уезд Чжан-у-сянь войска заднего отряда, причем помощник начальника заднего отряда Чэн-си-у телеграфировал из Тао-нань-сяня в штаб начальника военной обороны, что вследствие появления к северу от Туцюань-сяня партии монголов в 800 чел., направляющейся на юг, им высланы против них 1, 2 и 3-й конные ины заднего отряда. Вместе с сим он просил о немедленной присылке подкреплений. Ввиду того, приказано половине заднего отряда быть готовой выступить в поход против монголов. Вместе с тем, начальник заднего отряда отдал приказание о спешном укомплектовании всех инов означенного отряда, даже если возможно, путем вербовки людей из местной милиции.

Ввиду полученных китайскими властями сведений о сношениях монгольских повстанцев с монархистами-китайцами, мукденский дуцюнь предписал установить строжайшее наблюдение за приезжающими в Ляо-юань-сянь. По китайским агентурным сведениям, из Дальнего уже выехало в район Тао-нань — Ляо-юань-сяня до 20 чел. монархистов.

По слухам, известный предводитель хунхузов Тунь-сюо-хао, недавно изъявивший покорность и зачисленный с частью своего отряда в войска ю-ци-дуй, будучи командирован в разведку в Шун-ляо-чжен, будто бы снова присоединился к повстанцам.

Одновременно в Тао-нань-сяне распространился слух, что будто бы монгольские повстанцы предложили китайским властям добровольно очистить город в течение одного месяца и что в случае отказа они возьмут Тао-нань силой. Ввиду этого для отражения возможного нападения монголов, по распоряжению китайских властей, гарнизоном гор. Тао-нань-сяня возводятся вокруг города земляные укрепления и роются окопы. На 100 верст на северо-запад от Тао-нань-сяня выставлены сторожевые заставы и установлено освещение гористой местности разъездами.

В то же время мукденский дуцюнь предписал послать на северо-запад из Тао-нань-сяня, в м. У-ла-мынь-цзюнь, войска

¹ ИН — отряд, батальон.

для борьбы с шайкой монголов. На следующий день от дуцзюня опять получена телеграмма, что в м. Цзин-цюань-чжэн появилась шайка монгол в 200 чел. и производит грабежи, и что ввиду этого от 27 и 28-й дивизий посланы отряды войск к названному пункту, но одновременно необходима помочь и со стороны заднего отряда, о чем дуцзюнь предписывает для исполнения.

Сведения о монгольских повстанцах, полученные в это же время цицикарскими властями и меры, против них принятые, были следующими:

5 декабря управление цицикарского дуцзюня получило донесение Солуньшаньского умиротворителя (сюань-фу-юань), что, по сведениям посланных на разведку монгольских разведчиков, состоящих на китайской службе, монгольские повстанцы находятся в хошуне Бага-Узумчин, отстоящем на 300 верст от Солуньшана, но что их намерению двинуться в Солуньшань препятствует большой снег, заваливший дороги. На основании этих сведений цицикарский дуцзюнь 26 ноября для разведки о намерениях монгольских повстанцев послал штаб-офицера штаба войск Цицикарской провинции Чжэна и адъютанта Лю с четырьмя конвойными в Хайлар с приказом пробраться оттуда в Солуньшань.

16 декабря оба эти посланных в Солуньшаньский район офицера возвратились в Цицикар. Представляя отчет о поездке, последние лично доложили дуцзюню, что в Узумчине находится больше 3 тыс. монголов, грабящих население, и что дальнейшие замыслы их пока еще неизвестны, а потому в настоящее время представляется необходимым лишь усилить охрану на более вероятных пунктах наступления.

18 декабря цицикарский дуцзюнь телеграфировал назначенному на пост умиротворителя Монголии князю Бинту-вану, прося его сообщить о положении дел в Монголии и выяснить, насколько серьезно угрожают монголы-повстанцы Цицикарской провинции. Бинту-ван ответил, что им принятые меры к умиротворению, и монголы Внутренней Монголии вполне лояльны Китаю, и что, по его мнению, лишь небольшая партия бунтовщиков производит грабежи, но серьезной опасности это не представляет и их легко подавить в случае вторжения в пределы провинции.

Несмотря на столь успокоительный ответ, цицикарский дуцзюнь, озабочиваясь

усищением охраны важнейших пунктов, пограничных с Монгoliей, а именно: Тайлай-цзи, Та-цзы-чэн, Со-лун-шань, Чо-эрхэ (р. Чол) и Цзи-синь-хэ... совещался по этому поводу с начальником дивизии и приказал ему, по его усмотрению, разместить в названных пунктах 2 конных и 3 пехотных ина и 1 пулеметную роту для усиления имеющихся там частей войск на случай движения монголов в пределы Цицикарской провинции.

10 декабря в штабе 3-го ина 7-го конного полка 4-й кавалерийской бригады в Чжао-дун-сяне получен следующий приказ цицикарского дуцзюня по войскам провинции: „МИД уведомляет, что, несмотря на республиканское правление в Китае, китайцы продолжают смотреть на монголов как на дикую народность, находящуюся под суверенной властью Китая, и относиться к ним как к вассалам, постоянно посягая на их имущество. Такой взгляд на народ, входящий на равных основаниях в состав пяти наций Китайской республики, неправильный, народы Срединной цветущей республики пользуются одинаковым покровительством ее и не должно быть несправедливых отношений к монголам, а должна существовать неразрывная связь китайцев с монголами, как с другими народностями республики. Если какая-нибудь часть монгол производит беспорядки, то это не дает оснований смотреть на всех монгол презрительно, ибо таким взглядом можно только увеличить количество бунтующих монгол, но отнюдь не достигнуть улучшения во взаимных отношениях народностей между собой. Ввиду этого, предписываю всем войскам провинции принять изложенное к сведению и впредь не допускать несправедливых отношений к монгольскому мирному населению, а тем более чинить какие-либо притеснения и беспокойства, а наоборот — принять все меры к оказанию содействия и покровительства как жизни, так и имущества монголов“.

По сведениям из Хайлара, в конце декабря прошлого года туда прибыл представитель монгольских повстанцев тунлин¹ Пушинга, который заявил властям Хулунбуирского округа требования снабжать повстанцев съестными припасами до наступления теплого времени. В случае отказа он грозил, что повстанцы двинутся на Хайлар, где по-

¹ Командная должность в авангардном и охранном знаменных отрядах.

требуют продовольствие силой и, кроме того, удалят с занимаемых должностей всех чиновников округа, происходящих из племени даур.

Власти Барги, ознакомившись с этими требованиями Пушинга, по совещании заявили ему, что уже более двух лет Барга исполняла все приемлемые требования повстанцев, но с течением времени требования все увеличивались, и это последнее Хулунбуирский округ не может выполнить, и потому принужден в случае движения вооруженных повстанцев к Хайлару просить помощи от русских войск, каковую помочь русские, якобы, обещали. Кроме того, по словам амбаня Барги, русскими властями будут, якобы, предоставлены вагоны для перевозки цицикарских войск в Хайлар. Заявление это баргинских властей не отвечало истине, так как не только не давалось баргутам, но даже не поступало от них и просьб. Одновременно с этим ответом властями Барги был объявлен призыв хулунбуирских войск, которые направляются в м. Куку-нор (хощун Гуль-хуху), куда уже начинается отправка юрт и разного имущества. Главным начальником обороны границ Хулунбуирского округа назначен Гуй-тунлин, проживавший до сего времени в Хайларе.

По словам самого Пушинга, он лично не верит в помощь русских войск, о которой заявили ему власти Барги, ввиду того, что они, повстанцы, себя считают союзниками России и Японии и состоят у последней на жаловании (последнее подтверждается уплатой, произведенной на днях японским ломбардом в Хайларе — 12 000 одному русскому торговцу за долги повстанцев), что они преследуют лишь одну цель — обессилить Китай, выгнать дауров из Барги и действовать охране КВЖД, на которую уже было три своевременно обнаруженных покушения. При первом таковом покушении весной 1915 г. монгольскими повстанцами было убито 11 германцев. Вскоре после того, вновь выходил отряд германцев из Пекина и также был уничтожен повстанцами. Последний раз партия германцев с китайцами была перебита монголами в конце 1916 г. возле границы Халхи. Сознавая свои услуги, оказанные ими русским, они, по мнению Пушу-ламы, не допускают и мысли, чтобы русские власти дали вагоны для переброски цицикарских войск к Хайлару. Кроме того, Пушинга-тунлин уверял, что если бы повстанцам пришлось пойти на

Хайлар, то собственность и территория русских остались бы неприкосновенными. По словам Пушинга, отряд повстанцев состоит из 6 тыс. монгол, 400 китайцев, 4 японских офицеров и 18 японских солдат. Вооружены все повстанцы японскими винтовками и револьверами. При отряде имеется 4 полевых орудия с 800 снарядами, кроме того, имеется более 300 ручных гранат. Об отвete, полученном от властей Барги, Пушинга-тунлин донес своему начальству Бай-цзянцзюню (Цаган-ноин) и японскому полковнику Гуан-си-лину.

Разведка штаба Заамурского округа отдельного корпуса Пограничной стражи, г. Харбин, 5 января 1917 г., подлинную подписал: И. д. начальника штаба, полковник Баранов, с подлинным верно: старший адъютант подполковник Титов. Разослана 18 января 1917 г.»

[РГВИА. Ф. 4888. Оп. 2. Д. 25. Л. 1–2об.; РГВИА. Ф. 1558. Оп. 4. Д. 45. Л. 113–114об.]

Хошуны Восточный и Западный Удзумчин, где квартировали харачинские отряды, были «значительно опустошены, население перекочевало в соседние халхаские хошуны. Скот, награбленный харачинами, скупали по дешевым ценам наши евреи, что вызывало недовольство местного населения» [АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 328. Л. 220–221об. Телеграмма Усатого из Хайлара от 10 декабря 1916 г.]. Местное население откочевало от р. Халхгол из-за близкого соседства харачинов. При харачинском отряде находились тогда 40 офицеров и 30 нижних чинов японцев. Предполагалось, что по совету японцев харачины скоро перекочуют в Хайлар. 1 декабря 1916 г. состоялось собрание старшин для выбора преемника Бавужава. Гун Сэбджингэ (Сэбчжингэ, Сэбчжингай) отказался, тогда был избран гун Чадарбал (Шадарбал) [АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 328. Л. 220–221об. Телеграмма Усатого из Хайлара от 10 декабря 1916 г.].

Чадарбал был знакомым вице-министра иностранных дел правительства Внешней Монголии Цэнд-туна (Цэндэ, Чэндэ), дальним родственником Бавужава из одного с ним хошуна — Монголджин. Незадолго до смерти Бавужава Чадарбал отделился от него с частью войска и поселился в хошуне Мао-мин-ган в Уланцабском сейме Внутренней Монголии. По предположению

Цэнд-гуна, Чадарбал не отличался храбростью и едва ли стал бы пользоваться авторитетом у своего отряда, но достойным преемником мог бы стать Сэбджингэ, но он отказался [АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3107. Л. 13–14об. Донесение Орлова из Урги Козакову¹ от 12 января 1917 г.]. Когда «между отдельными начальниками начались споры, японские инструкторы старались их примирить между собой, что отчасти им удалось» [АВПРИ. Ф. [Вице-] Консульство в Хайларе. Оп. 573. Д. 7. Л. 67–119].

По совету японцев монгольские повстанцы выбрали зимней стоянкой южный берег р. Халх (Халха-гол, Халхин-гол), где оставались до весны 1917 г. За это время японцы вели переговоры с китайцами о принятии их к китайцам на службу с поселением в Маньчжурию. Китайцы опасались вмешательства японцев, и эти переговоры были безрезультатны [АВПРИ. Ф. [Вице-] Консульство в Хайларе. Оп. 573. Д. 7. Л. 67–119]. По китайским данным, численность повстанческих отрядов составляла 2 000 чел. вооруженных российскими берданами, 5 000 — японскими ружьями, 1 800 — китайскими маузерами и 2 000 — ружьями разных образцов [АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 328. Л. 237–237об.].

Расположение повстанческого лагеря на Халх-голе было выбрано удачно: отсюда вели удобные пути на Хайлар, восток Халхи, северо-восточные хошуны Внутренней Монголии и в Южную Маньчжурию.

Примерно 25 декабря 1916 г. около 200 харачинов, часть которых была вооружена, появились в Хайларе. Они стали себя вести вызывающе по отношению к местному населению. Прошел слух, что скоро придет другой отряд до 1 000 чел. Напуганные местные власти обратились в вице-консульство России. П. К. Усатый заявил Чадарбалу, что Хулунбуир находится под российским покровительством, потребовал воспретить его людям переселяться в Хулунбуир и делать распоряжения, а тем, кто приезжает в Хайлар, велел вести себя скромно. Чадарбал уведомил, что они ничего против Барги не замышляют. 5 января 1917 г. российское вице-консульство посетил представитель Чадарбала — Фушэнгэ. Он обещал выселить из Хайлара всех его людей, оставил

¹ А. А. Орлов — генеральный консул России в Урге, Г. А. Козаков — начальник 4-го политического отделения МИД.

лишь тех, кто ведает поставкой продовольствия, и запретил солдатам носить оружие в городе. Он заявил, что оставлена мысль о переселении их отряда в Баргу. Харачины стали вести себя очень скромно и покидать Хайлар; некоторых Фушэнгэ арестовал и в кандалах отправил в отряд для суда. В результате в Хайларе осталось примерно 100 харачинов. По точным данным на 12 января, на р. Халх-гол находилось 3 460 харачинов [АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3107. Л. 15–15об. Донесение Усатого в 4-е политическое отделение и миссию в Пекине от 6 января 1917 г.; Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 328. Л. 236–236об.].

Таким образом, в лагере на р. Халх-гол было все-таки не 10 тыс. повстанцев: вряд ли за полмесяца по неизвестным причинам больше половины из них ушла из лагеря. Сообщения, что общая численность отряда на р. Халх достигала 10 тыс. чел. (до 8 000 монголов и 2 000 китайцев, добровольно присоединившихся в надежде на добычу), по оценке разведки Заамурского округа, являлись преувеличением. Разведка оценивала численность повстанцев до 5 000 чел. [РГВИА. Ф. 1558. Оп. 4. Д. 29. Л. 211–213, 223–225. Донесение разведки Заамурского округа]. Однако и 3 460 чел., о которых сообщал П. К. Усатый, по масштабам Барги и Внутренней Монголии составляли значительную силу, особенно если учесть их хорошее вооружение, боевой опыт и помощь японцев.

Монгольские повстанцы приезжали в Хайлар для разных целей, в основном для покупок и вербовки. Это облегчалось тем, что в Хайларе были японцы, связанные с их отрядом. В целом же в Хулунбуирском округе японцев было тогда 130 чел., из которых большинство — около 100 — женщины в японских домах терпимости. Японцы в торгово-промышленной жизни Барги никакой роли до того времени не играли [АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 299. Л. 140–140об. Донесение Усатого из Хайлара в 4-е политическое отделение МИД и миссию в Пекине от 9 ноября 1916 г.].

В Хайлар за покупками часто приезжали люди из монгольского лагеря на Халх-голе. У приезжавших было много серебра и банкнот банка Иокогама Спеши, которые ходили только в их лагере. Руководители отряда неоднократно пытались склонить на свою сторону баргинские власти. П. К. Усатый заявлял им, что Барга находится под покро-

вительством русских. Баргинские власти согласились не препятствовать харачинам в закупках продовольствия, если те не будут производить грабежи. Власти отряда обещали это, но повели агитацию среди баргутов против хулунбуирских властей — дауров, указывая на ненормальность положения, когда кучка чуждых Барге дауров приверхена китайскому управлению всей Баргой.

Руководители зимовавшего на Халх-гол отряда разослали эмиссаров для вербовки людей. Вербовщики обещали по 20 руб. в месяц, лошадь и оружие. Было много желающих, в том числе китайцев, но среди баргутов вербовка была безуспешной: идея восстановления Цинской династии баргутов мало привлекала. По утверждениям монгольских повстанцев, им сочувствовали солоны (представители эвенкийской народности). Фушэнгэ в Хайларе якобы получил известие, что около 2 000 солонов выступят к месту зимовки отряда. В Хайларе харачины формы не носили, ходили в халатах, тайно носили пистолеты Маузера, в средствах не были стеснены. Говорили, что ожидается прибытие в Хайлар оружия и патронов из Японии. Хотя люди отряда не занимались грабежами в Хайларе, они неоднократно производили беспорядки в публичных домах и гостиницах из-за неуплаты денег, обычно завершившейся драками.

Хайларский полицмейстер даур Фушан (Фушань) был командирован властями Барги в Дальний и Циндао для переговоров с князем Су и ознакомлением на месте с монархической организацией, ставившей целью реставрацию Цинской династии. Повстанцы многое ждали от этой поездки, но баргуты были настроены скептически.

В лагере на р. Халх-гол было около 3 000 голов рогатого скота и лошадей. Харачины по очень низким ценам продавали скот русским, наезжавшим в их лагерь, в обмен на разные предметы первой необходимости. Там торговали исключительно русские, так как китайцы боялись грабежей. Власти отряда к русским торговцам были благожелательны. Вследствие харчинского нашествия на р. Халх, торговля с монголами в ближайшем к Хингану районе совершенно прекратилась, доступ в хошуны Дзун-Удзумчин и Барун-Удзумчин и смежные хошуны Халхи был невозможен, хошуны опустели, население откочевало вглубь страны [РГВИА. Ф. 1558. Оп. 4. Д. 29. Л. 211–213; 223–225. Донесение разведки Заамурского округа].

Весной 1917 г. численность отряда составляла 3 000–5 000 чел., патронов у него было до 50 000 шт., снарядов — 1 ящик. Огнеприпасов не хватало, повстанцы искали, где достать их. Лошадей было более 20 000. Лагерь был расположен на левом берегу р. Халх-гол. Его окружность была более 25 верст, в нем было более 300 юрт и более 200 палаток. Лагерь с одной стороны защищала большая гора Дархан-ула, с другой — р. Халх-гол, оба берега которой покрыты густым кустарником. Жилья не было более чем на 100 верст от лагеря. В отряде находились люди из разных хошунов, но преобладали монголы из хошунов Дзасакту-ван, Бинту-ван, Аохан, Харачин. Семьи начальства проживали вне лагеря отдельной группой. Заводы от Хайлара были выставлены в Гурбан-Шабартай (100 баргинцев) и в Нарасун-Хубо (100 повстанцев).

К маю люди усиленно обучались под руководством сына цин-вана Су и 30 японских инструкторов, преимущественно артиллеристов. Японцы обучали начальствующий состав, те — своих подчиненных. Стартовые занятия проводились через 3–5 дней, учебных стрельб не было из-за недостатка патронов; обучались лишь ружейным приемам. Но в отряде было 1 000 прекрасных стрелков. В отряде поддерживалась строгая дисциплина: запрещалось употреблять спиртное, драться, грабить местное население. Виновных подвергали наказанию розгами (от 100 до 3 000 ударов) или расстрелу (за грабеж и нанесение ран).

Продовольствие заготовлялось штабом отряда; денежное довольствие на руки не выдавалось. Продолжалась вербовка. Для связи и вербовки в Хайларе проживало более 200 чел. из отряда. Вербовщики жили во всех заезжих дворах. Они вербовали любых безработных и не имеющих определенных занятий людей, которым выдавали по 70 руб. задатка. Как только образовывалась группа в 50 чел., ее отправляли в расположение отряда. Японцы из отряда часто бывали в Хайларе.

После зимовки вначале планировалось идти к ст. Сы-пин-гай, чтобы там получить оружие от японцев; одновременно другие части должны были двинуться в монгольские хошуны Удзумчины, Барин, в Лин-си-сянь. По занятии их повстанцы собирались бороться за восстановление Цинской династии. Вместе с тем они стали разочаровываться в японцах, думали о мирной жизни

при условии поселения в определенном районе Барги и Халхи и образования особого хошуна. Но Барга и Халха не соглашались на это. В Хайлар из Дайрена прибыл японский отставной поручик Хаяси, посредник между японцами из монгольского отряда и Кавасимой. Хаяси числился на службе у цин-вана Су. Для свидания с Хаяси из лагеря на р. Халх-гол выехал начальник штаба — японский офицер Секи. Баргинские власти постоянно сносились с китайским правительством относительно харачинов. С Ургой последние не контактировали [РГВИА. Ф. 1558. Оп. 4. Д. 29. Л. 240–241. Разведка Заамурского округа Пограничной стражи, Харбин, 4 мая 1917 г.].

Но некоторые из них уходили за границу. По данным Цэнд-гуна, 600 харачинов переселились в Халху. По его мнению, Барга с 2 000 вооруженных людей не может бороться с харачинами, к которым присоединится еще 1 000 китайцев под командованием Цзинь-дин-чэна. Поэтому Барге необходима помочь войск Внешней Монголии. С наступлением весны возможно оживление китайских отрядов против харачинов, последние перейдут во Внешнюю Монголию, там будет больше убытков от грабежей, чем расходов на возможную военную экспедицию. Ведь недавно харачины вторгались в хошун Хурц-вана (Цэцэнханский аймак Внешней Монголии) и дочиста ограбили 19 семей [АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3107. Л. 13–14об. Телеграмма Орлова из Урги Козакову от 12 января 1917 г.]. Эти соображения отражали стремление Внешней Монголии и Барги к объединению.

Вскоре харачины напали на баргутов, поселенных в хошуне Сужигт-вана (Судзукту-вана) Внешней Монголии. Монгольское правительство ходатайствовало о воздействии российского правительства на них для прекращения ими переходов монгольской границы [АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3073. Л. 3. Телеграмма Орлова из Урги от 9 января 1917 г.]. Но безуспешно. 27 мая 1917 г. премьер-министр Внешней Монголии Сайн-найон-хан Намнансурэн сообщил Орлову о появлении в хошуне Сужигт-вана харачинских фуражиров. Они разграбили монастырь и потребовали заготовить провиант на несколько сот человек. Население этого и соседних хошунов откочевало вглубь страны. Премьер-министр запросил помочь российских военных ин-

структур в Урге для мобилизации монголов [АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3081. Л. 300. Телеграмма Орлова из Урги от 28 мая 1917 г.].

Хотя Барга была автономной с 1915 г., там оставались пограничные караулы китайских войск. С российской и баргинской сторон ставился вопрос об их отзовании. Китайская сторона отвечала, что вопрос об уводе китайских войск из караулов может быть решен после того, как будет «выяснен район ведения Хулунбуира», на этот счет китайский министр иностранных дел связался с начальником Хэйлунцзянской провинции и хулунбуирским фудутуном¹ [АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3107. Л. 4–4об. Перевод сообщения китайского министра иностранных дел российскому посланнику в Пекине Н. А. Кудашеву, 30 ноября/13 декабря² 1916 г.]. В ответ Кудашев 31 декабря 1916 г./ 13 января 1917 г. продолжал отстаивать прежнюю точку зрения относительно удаления китайских караулов из Хулунбуира: границы Хулунбуира были уже установлены даотаем³ Сун Сяо-ляном в 1909 г., так что это решенный вопрос; поэтому наличие там китайских войск нарушает ст. 4 соглашения о Барге от 1915 г. [АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3107. Л. 6–8].

Появление харачинов на р. Халх-гол дало повод китайскому правительству для подготовки ввода войск в Баргу, что нарушило указанное соглашение и, кроме того, шло вразрез с планами правительства Внешней Монголии об объединении с Баргой.

Фудутун Барги — Шэнфу заявил Усатому, что не просил о присылке в Хулунбуир китайских войск и что, видимо, китайское правительство неверно истолковало его донесение об опасности для Хулунбуира поселения харачинов на р. Халх. Он обещал в тот же день послать в Пекин телеграмму не присыпать китайские войска [АВПРИ. Ф. [Вице-]Консульство в Хайларе. Оп. 573. Д. 2. Л. 44. Телеграмма Усатого Кудашеву от 26 января 1917 г.]. В телеграмме в МВД Китая Шэнфу написал, что в прошлый раз им было донесено об обстоятельствах прихода на р. Халх на границе Внешней Монголии «остатков партии разбойников Бавужава. До настоящего времени эта партия не производила беспорядков, поэтому

¹ Наместник, пользовавшийся правами губернатора.

² По старому/новому стилю.

³ Начальник округа.

доводя настоящей телеграммой до сведения, прошу не присыпать войск в пределы нашего управления» [АВПРИ. Ф. [Вице-] Консульство в Хайларе. Оп. 573. Д. 2. Л. 47. Телеграмма Усатого в Пекин от 27 января 1917 г.].

Российский министр иностранных дел Н. Н. Покровский со своей стороны сделал представление в Вайцзяобу (МИД Китая), и китайский «товарищ министра иностранных дел» обещал сделать распоряжение не посыпать войска в Хулунбуир [АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3107. Л. 35. Телеграмма Покровского Кудашеву в Пекин от 28 января 1917 г.].

Однако китайцев беспокоили не только (очевидно, даже не столько) последствия харабинских грабежей для населения Барги. Убедившись в невозможности воссоединения Внешней и Внутренней Монголии, Бавужав в своем стремлении избежать включения Внутренней Монголии в состав Китая решил опереться на движение за восстановление на престоле маньчжурской династии, свергнутой Синьхайской революцией в 1912 г. Распространен взгляд, что это движение было поднято японцами. Это неточно: созданная частью маньчжурских и монгольских аристократов Цзуншэдан (Партия верности престолу) пыталась предотвратить падение Цинской династии в 1912 г. Убийство ее руководителя Лян Би в Пекине революционером Пэн Цзячжэнем не привело к ликвидации партии. Ее отделения продолжали существовать, местами получали поддержку войск. Так, по сведениям из секретного источника, с 20 августа по 4 сентября 1913 г. из 27-й китайской дивизии скрылись 286 солдат пехоты и 167 — кавалерии. Они, будто бы, бежали в Новый Вичжу, где присоединились к тамошнему отделу партии Цзуншэдан [АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 832. Л. 76. Донесение управляющего генеральным консульством в Мукдене посланнику в Пекине от 4 сентября 1913 г.].

Часть восточномонгольских и маньчжурских князей хотели создать независимое от Китая государство «Маньчжурия-Монголия» под протекторатом России и Японии. Князь Су предлагал маньчжурскому императору выехать за Великую китайскую стену на север и, в худшем для него случае, консолидировать маньчжурские минионы после отделения от Китая [Boyd 2008: 114–115].

В 1916 г., в связи с провозглашением президентом Юань Шикаем себя императором, японские власти в Южной Маньчжурии стали оказывать активную поддержку движению за реставрацию маньчжурской династии во главе со свергнутым императором Пу И (девиз правления — Сюаньтун). Через проживавшего в Порт-Артуре цин-вана Су они обратились к монгольским повстанцам за содействием. Предложение было принято. По совету прикомандированных к ним японских офицеров повстанцы под командой Бавужава открыли военные действия против китайцев. Когда последние стали одерживать верх, японцы дипломатическими средствами спасли харабинов от полного разгрома [АВПРИ. Ф. [Вице-] Консульство в Хайларе. Оп. 573. Д. 7. Л. 67–119]. Бавужав погиб, но монархический настрой его отряда сохранился.

Теперь харабинский отряд, декларировавший монархизм, составлял угрозу Барге. Под влиянием слухов об успехах монархической партии на юге Маньчжурии и о надеждах на поддержку Японией баргинские власти решили войти в сношения с монархистами. Для этого они послали в Порт-Артур и к цин-вану Су двух чиновников: Линшена и Сулфэнгу, которым поручили ознакомиться с положением дел. В письме, отправленном с ними на имя Су, Шэнфу заявлял о «сочувствии Барги делу восстановления маньчжурской династии и о готовности ее в случае необходимости идти в борьбу с коварными китайцами, и просит вместе с тем покровительства». Этим баргуты хотели в случае успеха монархической партии не упустить момент и одновременно обезопасить себя от харабинских отрядов, подвластных Су [АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3107. Л. 37–37об. Телеграмма Усатого в 4-е политическое отделение, копия в миссию в Пекине от 1 февраля 1917 г.].

Возвратившийся из поездки Сулфэнга сообщил, что состоявший при Су японский генерал, живший в г. Дальний, предложил Линшену, «чтобы баргуты приняли участие в монархическом движении, и выразил готовность снабжать их оружием. Ли Шен согласился, чтобы вопрос этот был обсужден баргутскими старшинами, и в Хайларе. Собрание старшин назначено на 13 февраля, когда ожидается приезд японца — представителя Су-цин-вана» [АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3107. Л. 39. Телеграмма Усатого в миссию в Пекине от 7 февраля 1917 г.].

Вайцзяобу было «сильно встревожено полученными известиями о монархическом движении в Маньчжурии и в особенности в Хулунбуире, органами какового являются монгольские банды, расположенные на реке Халхе, руководимые японцами». По сведениям Вайцзяобу, телеграмма Шэнфу об отмене присылки китайских войск была послана под давлением. Министерство выражало пожелание, чтобы японцы не вели агитацию в китайской сфере [АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3107. Л. 40. Телеграмма Кудашева от 9 февраля 1917 г.].

22 февраля 1917 г. в Хайлар прибыли командиры повстанцев Бумбужав (Бумбучжаб, Бунбучжаб) и Сэбджингэ. Они сообщили П. К. Усатому, что «ведут через японцев с китайскими властями переговоры об устройстве положения харачинских отрядов, и на днях ожидают ответ китайцев» [АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3107. Л. 48. Телеграмма Усатого от 22 февраля 1917 г. в миссию в Пекине]. Вероятно, это было связано с тем, что положение повстанцев в лагере зимой ухудшилось из-за недостаточного снабжения. Кроме того, японцы, по-видимому, начали сокращать им свою поддержку [АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3107. Л. 65–66. Телеграмма Усатого в миссию в Пекине от 8 апреля 1917 г.]. П. К. Усатый сообщал: «Последнее время харачины держат себя вызывающе по отношению к баргинским властям, требуя помочи людьми, деньгами и скотом. Есть опасность, что они ищут предлога для нападения на Баргу. Необходимо, чтобы японцы приняли меры к их обузданию» [АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3107. Л. 64. Телеграмма Усатого в миссию в Пекине от 7 апреля 1917 г.].

Баргинские власти пытались принимать свои меры. К середине апреля баргуты сдержали против харачинов уже 1 800 человек, могли увеличить численность до 3 000. Шэнфу просил у русских 100 тыс. патронов и несколько сот винтовок [АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3107. Л. 70. Телеграмма Усатого в миссию в Пекине от 12 апреля 1917 г.]. Опасения баргутов были оправданы: весной с отрастанием травы у харачинов появлялась возможность проводить конные операции. Действительно, по сведениям баргинских властей, в начале мая 1917 г. 300 вооруженных харачинов вошли в Баргу. К 9 мая они находились в 135 верстах южнее Хайлара в местности Хон-

годжин. В самом Хайларе скопилось около 200 вооруженных харачинов. Баргуты стали спешно собирать войска, вновь просили содействия России. Из Хонгоджина харачины двинулись на Хайлар, занялись грабежами, захватили в плен ухэриду¹ (угурду) монголов-олетов [АВПРИ. Ф. [Вице-]Консульство в Хайларе. Оп. 573. Д. 2. Л. 75. Телеграмма управляющего вице-консульством в Хайларе Поликарпова в миссию в Пекине от 7 мая 1917 г.; Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3107. Л. 84, 85]. Замыслы харачинов стали проясняться: их целью была столица Барги — Хайлар.

ИСТОЧНИКИ / SOURCES

АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи. [*Arkhiv Vneshnei Politiki Rossiiskoi Imperii* [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire].]

РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив. [*Rossiyskiy gosudarstvennyy voenno-istoricheskiy arkhiv* [Russian State Archive of Military History].]

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Белов 1995 — Белов Е. А. Антикитайское восстание под руководством Бабучжаба во Внутренней Монголии в 1915–1916 гг. // Анналы. 1995. № 2. С. 62–76. [Belov E. A. The 1915–1916 anti-Chinese rebellion in Inner Mongolia headed by Babujab. *Annaly*. Moscow. 1995. No 2. Pp. 62–76. (In Rus.)]

Лонжид, Өлзий 2002 — Лонжид З., Өлзий Ж. Шударга баатар Бавуужав. Улаанбаатар: “Согоонуур” ХХК, 2002. 47 с. (2-е, перераб. изд.; 1-е изд. – 1996 г.). [Lonzhid Z., Ölziy Zh. *Shudarga Baatar Bavuujav* [Shudarga Baatar Bavuujav]. 2nd ed., rev. Ulaanbaatar: Sogonuur Ltd., 2002. 47 p. (In Mong.)]

Лу 1979 — Лу Минхуэй (ред.). Бабучжабу ши ляо сюань бянь. [S. l.]: Чжунго Мэнгу ши сүэ хүэй, 1979. 162 с. [Lu Minghui (ed.). *Babuzhabu shi liao xuan bian* [Selected historical materials on Babujab]. (Place of publication not identified): Zhongguo Menggu shi xue hui, 1979. 162 p. (In Chin.)]

Ностаева 2010 — Ностаева Е. В. Харачинский вопрос в Барге (1917 г.) // Восточный архив. 2010. № 1(21). С. 43–48. [Nostaeva E. V. The Kharchin issue in Barga in 1917. *Vostochnyi Arkhiv*. 2010. No 1(21). Pp. 43–48. (In Rus.)]

Birnbaum 2015 — Birnbaum P. Manchu Princess, Japanese Spy. The Story of Kawashima Yoshiko, the Cross-Dressing Spy Who Commanded Her

¹ Правитель, имевший права дзасака, то есть удельного князя.

- Own Army. New York: Columbia University Press, 2015. 229 p. (In Eng.)
- Boyd 2008 — Boyd J. Faith, Race and Strategy: Japanese-Mongolian Relations, 1873–1945. Ph. D. Thes. Murdoch Univ. 2008. 367 p. (In Eng.)
- Nakami 1999 — Nakami T. Babujab and his uprising: re-examining the Inner Mongol struggle for independence. *Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko*. 1999. No 57. Pp. 136–153. (In Eng.)
- Nakami 2018 — Nakami T. On Babujab and his troops: Inner Mongolia and the politics of imperial collapse, 1911–21. *Russia's Great War and Revolution in the Far East: Re-imaging the Northeast Asian Theater, 1914–22*. D. Wolff, Y. Shinji and W. Sunderland (eds.). Bloomington: Slavica Publishers, 2018. Pp. 351–358. (In Eng.)
- Ulantana 2008 — Ulantana. The response of eastern Inner Mongolians to the establishment of Bogd Khan Government: the case of Babujab. *Tōhoku Ajia kenkyū*. 2008. No 12. Pp. 97–118. (In Jap.)
- Underdown 1980 — Underdown M. Banditry and Revolutionary Movements in Late 19th and Early 20th Century Mongolia. *Mongolian Studies*. 1980. Vol. 6. Pp. 109–116. (In Eng.)

UDC 930(517+470)

Guerillas of Inner Mongolia after the Death of Their Leader Babujab in 1916

Sergius L. Kuzmin¹

¹ D.Sc. in History (Doct. of Historical Sc.), Ph.D. in Biology (Cand. of Biological Sc.), Leading Research Associate, Institute of Oriental Studies of the RAS (12, Rozhdestvenka Str. Moscow, 107031, Russian Federation). ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9544-1359>. E-mail: ipe51@yahoo.com

Abstract

Introduction. Although the national liberation movement of the Mongols in the early 20th century was studied generally well, the so called Kharachin movement and the Kharachin issue have been understudied yet. The article concerns, first of all, the period following the death of its leader Babujab. Data on Babujab's detachments after his death are fragmentary.

Goals and materials. The paper aims to reconstruct the situation faced by these detachments at that time as evidenced from archival data, first of all, reconnaissance and diplomatic reports contained in the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (Rus. *AVPRI*) and Russian State Archive of Military History (Rus. *RGVIA*), as compared to previously published data.

Results. After Babujab's death in October 1916, the movement in Inner Mongolia did not stop. Some of his followers surrendered to the Chinese, dispersed for robberies, while others (ca. 1 200 men) relocated to Zuun Uzumchin Banner of Inner Mongolia. In early December, a detachment of 1 800 men was in Solun Shan area. Since mid-December, Mongolian guerrillas started to move from Uzumchin to Linzhixian and Chifeng counties. In late December 1916, one of Kharachin leaders, Fushengge, visited Hailar in Barga (Hulunbuir) claiming provision for the Mongolian guerrillas and removal of all Dauras from the government of Barga. The latter declined the claims and started mobilization of troops. According to Fushengge, the detachment of guerrillas consisted of 6 000 Mongols, 400 Chinese, 4 Japanese officers and 218 Japanese soldiers. The guerrillas had Japanese guns. On December 1, 1916, leaders of guerrillas elected the *gung* Chadarbal to replace the deceased Babujab (Sebjingge, a more skillful military leader, had refused). On the advice of the Japanese, Mongolian guerrillas moved to the southern bank of the Khalkhyn Gol River where they encamped till the spring of 1917. The total number of guerrillas in that camp was estimated sometimes up to 10 000 men, still most probably being 3 000–5 000. The guerrillas planned to participate in restoring the Manchu Qing Dynasty to power.

Conclusions. The paper provides detailed descriptions of that camp and life of the guerrillas, as well as some data on their raids to Outer Mongolia. Hailar became the first target of the guerrillas.

Keywords: Mongolia, Barga, Hulunbuir, China, Manchuria, Japan, Kharachin issue, Babujab, independence, autonomy, international relations